

И, закончивъ эти поясненія, добродушно сказала спускавшейся тѣмъ временемъ по деревянной лѣсенкѣ изъ верхнихъ комнатъ старушкѣ:

— А дайте-ка намъ, няня, газетку: книги завернуть!..

И когда газета была принесена, и я, завернувъ въ нее экземпляръ книгъ, хотѣлъ, было, попрощаться со Львомъ Николаевичемъ, онъ, какъ бы спохватясь, остановилъ меня:

— Погодите... А чѣмъ работать-то будете?.. Вѣдь бумага, карандаши, перья нужны!.. Я вамъ сейчасъ дамъ все это...

И, дѣйствительно, вынесъ мнѣ цѣлый комплектъ канцелярскихъ принадлежностей: писчей бумаги, по парѣ черныхъ и цвѣтныхъ карандашей, перьевъ, ручку и даже резинку.

— Такъ работайте и не падайте духомъ,—напутствовалъ онъ „заблудшую овцу“.

IV.

На данную мнѣ работу я употребилъ, помнится, недѣли три, хотя, въ дѣйствительности, достаточно было бы и половины этого времени. Но дѣло въ томъ, что одновременно съ Толстовскою работою,—работою, какъ я имѣлъ основаніе думать, благотворительной, которая была, слѣдовательно, не къ спѣху,—я получилъ другую временную работу: „полистную“ корректуру. А вскорѣ послѣ случайнаго корректорства я уѣхалъ на мѣсто секретаря редакціи въ провинцію.

Я не стану идеализировать все случившееся со мною, этотъ неожиданный выходъ изъ „безвыходнаго“, какъ мнѣ казалось, положенія, но долженъ сказать, положила руку на сердце, что моимъ возрожденіемъ я, въ значительной степени, обязанъ Льву Николаевичу.

Николаевичемъ. Какъ разъ въ то время Левъ Николаевичъ былъ занятъ этимъ, и отмѣченные такимъ образомъ книги распространялись въ то время среди многихъ близкихъ Льву Николаевичу по духу людей. *Изд.*